

РАЗВЕДКА И РАЗРАБОТКА НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Никита МОЛЧАКОВ, Ольга ГЛИКМАН
МГИМО МИД России

Аннотация: Особенности правового режима недропользования, нефтегазовой деятельности в Каспийском море обусловлены особым международно-правовым статусом Каспийского моря. Перед Российской Федерацией стоят стратегические задачи по освоению энергетических ресурсов на российском участке дна Каспийского моря, развитию морского транспорта и научно-исследовательского флота, модернизации и строительству морских портов и терминалов на Каспии. Выполнение этих задач во многом зависит от эффективности российского законодательства в данной области. В статье сопоставлены положения двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации, которые применимы к разведке и разработке нефтегазовых ресурсов в Каспийском море, раскрыты их механизмы и значение, а также выявлены отличия в их положениях. Авторы выявили различия в тенденциях развития российского законодательства, регулирующего нефтегазовую деятельность на российском участке дна Каспийского моря, до и после ратификации Россией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., проанализировали последние законодательные инициативы в данной области, а также обнаружили ряд проблем в рамках этого процесса.

Ключевые слова: Каспийское море, дно Каспийского моря, сектор Каспийского моря, российское законодательство, международное право, международные договоры прикаспийских государств, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., недропользование, углеводороды

Молчаков Никита Юрьевич – кандидат юридических наук, декан Международно-правового факультета, доцент кафедры конституционного права, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Гликман Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-9243-9787. E-mail: glikman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Современный международно-правовой статус Каспийского моря

Каспийское море обладает особым международно-правовым статусом (*sui generis*), история развития которого уникальна (Барсегов, 1998; Салимгерей, 2003; Мамедов, 2006). Каспийское море – замкнутый внутриконтинентальный водоем, не являющийся частью Мирового океана и не имеющий естественных связей с Мировым океаном (не сообщается напрямую с другим морем или океаном). Оно полностью окружено территориями прикаспийских государств. В настоящее время их пять: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан.

Принципиально то, что именно прикаспийские государства всегда определяли и в настоящее время определяют статус этого водоема. В Каспийском море не применимы классификации морских пространств, закрепленные в Женевских конвенциях 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (последняя включает внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону, исключительную экономическую зону, континентальный шельф, открытое море и международный район морского дна). На Каспии действует особая классификация пространств, установленная международными договорами прикаспийских государств. При этом, безусловно, при разработке двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества прикаспийские государства принимали во внимание действующие нормы общего международного морского права и международного природоохранного права, отталкивались от этих норм. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, подписанная пятью прикаспийскими государствами 12 августа 2018 г. (далее – Конвенция) закрепила принципы деятельности Сторон, классификацию пространств Каспийского моря, права Сторон в них, правила нахождения и плавания судов в данной акватории, проведения научных исследований, отдельные правила осуществления деятельности, связанной с разведкой и разработкой нефтегазовых ресурсов, и др. (Бекашев, 2018). В Конвенции отражены различные интересы прикаспийских государств в сфере безопасности, экономики, судоходства, недропользования и других областях сотрудничества.

Конвенция подписана пятью прикаспийскими государствами, но пока не вступила в силу. Для этого требуется ратификация всеми пятью прикаспийскими государствами. На данный момент ее ратифицировали четыре государства, включая Россию. В Иране продолжаются серьезные внутривнутриполитические дискуссии по вопросу ратификации Конвенции.

Подписание Конвенции, безусловно, стало долгожданным событием, по сути, прорывом в развитии международно-правового регулирования статуса Каспийского моря. В зарубежных международно-правовых исследованиях отмечается, что в Конвенции «прибрежные государства четко обозначили исключительную природу своих прав и интересов в Каспийском море» (Kadir, 2019: 401). Подчеркивается значение Конвенции сквозь призму того, что почти 30 лет после распада Советского Союза правовой статус Каспийского моря оставался неопределенным (Janusz-Pawletta, 2020: 171). С такой точкой

зрения нельзя согласиться. Наименование подписанного международного договора не должно вводить в заблуждение. Подписанию Конвенции предшествовали двусторонние и многосторонние международные договоры, политико-правовые акты, договоренности, а также сложившаяся практика прикаспийских государств. И до, и после 1991 г. Каспий являлся территорией с особым международно-правовым статусом, определяемым прикаспийскими государствами, число и наименования которых изменялись в разные периоды. Другое дело, что в связи с распадом СССР и увеличением числа прикаспийских государств в рамках правопреемства возник ряд новых международно-правовых вопросов, разногласий в их позициях относительно различных вариантов разграничения Каспийского моря и отдельных видов деятельности, в том числе нефтегазовой (Мамедов, 2006). При этом следует разделять вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря (Каспийское море было задолго до 2018 г. территорией *sui generis* и остается таковой) и вопросы классификации, правового режима его пространств, реализации суверенитета, суверенных и исключительных прав, осуществления юрисдикции в Каспийском море (они, действительно, были впервые комплексно урегулированы в Конвенции).

Важно отметить, что прикаспийские государства не стали создавать специальный орган или международную организацию для сотрудничества в Каспийском море (по аналогии с органами и организациями, созданными для сотрудничества соответствующих государств в иных по статусу морских пространствах и районах (например, Арктический совет, Секретариат Договора об Антарктике, Международный орган по морскому дну). Возможно, это дело будущего. При этом в ст. 19 Конвенции предусмотрен механизм пятисторонних регулярных консультаций высокого уровня под эгидой министерств иностранных дел. Примечательно, что на Пятом каспийском саммите 12 августа 2018 г. в Казахстане главы пяти прикаспийских государств приняли решение о проведении Каспийского экономического форума. Первый форум состоялся 11–12 августа 2019 г. в Туркменистане.

Двусторонние международные договоры России с Казахстаном и Азербайджаном о разграничении дна Каспийского моря

В соответствии с двусторонними международными договорами России с Казахстаном и Азербайджаном в конце 1990-х – начале 2000-х годов впервые в истории были разграничены соответствующие участки дна Каспийского моря. Крайне важно, что это разграничение было осуществлено исключительно для целей недропользования и взаимосвязанной хозяйственной-экономической деятельности.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. (далее – Соглашение 1998 г.) разграничило между Сторонами дно северной части Каспийского моря и его недра «по срединной линии, модифицированной на основе

принципа справедливости и договоренности Сторон». Примечательно, что модифицированная срединная линия была проведена «с учетом островов, геологических структур... других особых обстоятельств и понесенных геологических затрат». При этом водная поверхность была сохранена в общем пользовании (ст. 1). В Соглашении 1998 г. была уточнена правовая природа прав Сторон – «Стороны осуществляют свои суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии» (ст. 2).

В соответствии с Соглашением 1998 г. Стороны имеют исключительное право на совместную разведку и разработку перспективных трансграничных структур и месторождений. Стороне или ее юридическим и физическим лицам, открывшим месторождение углеводородов или выявившим перспективные геологические структуры в зоне прохождения модифицированной срединной линии до ее согласования Сторонами, было предоставлено «приоритетное право на получение лицензии на их разведку и разработку с обязательным привлечением представителей другой Стороны» (ст. 2–3).

В Соглашении 1998 г. не был решен вопрос о прокладке трубопроводов в разграничиваемой части Каспийского моря, не затронуты вопросы искусственных островов, установок и сооружений. Однако было предусмотрено заключение отдельных двусторонних и многосторонних соглашений прикаспийских государств по широкому кругу вопросов использования Каспийского моря «после заключения и на основании Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» (ст. 5). Такая отсылка в международном договоре к тогда еще не принятому и даже не разработанному международному договору уникальна.

Отдельное внимание было уделено обязательствам Сторон по защите экологической системы Каспийского моря – запрещена деятельность, которая может нанести серьезный ущерб природной среде Каспийского моря (ст. 6).

В Протоколе 2002 г. к Соглашению 1998 г. были установлены географические координаты прохождения указанной линии. Установление разграничительной линии в международном договоре важно для недропользования, поскольку всегда создает правовую определенность относительно статуса месторождения – позволяет квалифицировать его либо как трансграничное, либо как находящееся на территории, на которую распространяются суверенитет или суверенные права одного из государств.

Протокол 2002 г. закрепил механизм совместного осуществления недропользования на структурах «Курмангазы» («Кулалинская») и «Центральная» и месторождении «Хвалынское». Протокол 2002 г. предусмотрел назначение Сторонами своих уполномоченных организаций, подписание ими договора о форме совместной деятельности – консорциуме, коммерческой организации с иностранными инвестициями или любой иной форме совместной деятельности (далее – предприятие), включая условия недропользования. При этом в отношении структуры «Курмангазы» закреплены суверенные права на недропользование Казахстана и применение законодательства Казахстана,

а в отношении структуры «Центральная» и месторождения «Хвалынское» – соответственно, России. В Протоколе 2002 г. урегулированы вопросы распределения долей, опциона по каждому предприятию. Таким образом, нормы двустороннего международного договора непосредственно стали правовой основой создания предприятий.

В период 2006 – 2017 гг. отдельными протоколами неоднократно вносились изменения в Протокол 2002 г. в связи со сложностями и препятствиями, с которыми столкнулись предприятия при реализации своих прав в рамках национального законодательства. Протокол 2006 г. уточнил, что трем предприятиям право пользования соответствующими участками недр предоставляется, во-первых, на условиях раздела продукции, во-вторых, без необходимости включения этих участков в соответствующие национальные перечни и, в-третьих, без проведения конкурсов или аукционов, подтверждающих отсутствие возможности геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых на этих участках недр на иных условиях, отличных от условий раздела продукции.

Протокол 2015 г. детализировал вопросы деятельности предприятия по структуре «Центральная». Установлен 25-летний срок геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых без проведения аукциона, включая семилетний срок геологического изучения недр с применением общего режима налогообложения. После завершения этапа геологоразведки предприятию предоставлено право продолжить недропользование с применением общего режима налогообложения или заключить соглашение с Правительством Российской Федерации о разделе продукции. Закреплена обязанность предприятия уплатить разовый платеж за пользование недрами, установленный законодательством Российской Федерации.

Дополнительный протокол 2017 г. уточнил правила эксплуатации структуры «Курмангазы». Предусмотрено заключение дополнительного соглашения между Правительством Казахстана или его компетентным органом и предприятием к Соглашению о разделе продукции 2005 г. и условия этого дополнительного соглашения (увеличение контрактной территории; предоставление предприятию дополнительного шестилетнего периода разведки с возможностью его продления на четыре года; установление даты подписания дополнительного соглашения в качестве даты начала дополнительного периода разведки).

Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г. (далее – Соглашение 2002 г.) разграничило между Сторонами дно Каспийского моря и его недра «на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленности точек и модифицированной по договоренности Сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся на Каспии практики» (ст. 1). Координаты модифицированной срединной линии были установлены непосредственно в тексте Соглашения 2002 г. Было также закреплено, что «стороны осуществ-

вляют свои суверенные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с недропользованием на дне, в пределах своих данных секторов / зон до линии разграничения» (п. 1 ст. 2).

В Соглашении 2002 г. был предусмотрен общий рамочный механизм освоения минеральных ресурсов трансграничных структур (п. 2–4 ст. 2). Оно должно осуществляться на основе международной практики уполномоченными организациями, назначаемыми Правительствами Сторон. Правительства Сторон должны оформить своим уполномоченным организациям права на освоение минеральных ресурсов трансграничных структур в пределах своих данных секторов / зон, а уполномоченные организации должны с согласия Правительств Сторон подписать соглашения о сотрудничестве.

Несмотря на схожесть предмета регулирования, сопоставление Соглашения 1998 г. и протоколов с Казахстаном и Соглашения 2002 г. с Азербайджаном, которые остаются действующими международными договорами, позволяет выделить следующие отличия.

1. В наименовании Соглашения 1998 г. с Казахстаном были прямо указаны цели разграничения дна Каспийского моря, в наименовании Соглашения 2002 г. с Азербайджаном такой целевой принцип не содержится. Однако в статье 2 каждого из соглашений закрепляются суверенные права Сторон в соответствующих пределах, а именно в целях недропользования.

2. Формулировки, касающиеся суверенных прав, различаются. Согласно ст. 2 Соглашения 1998 г. с Казахстаном они осуществляются «в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия», а согласно ст. 2 Соглашения 2002 г. с Азербайджаном «в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с недропользованием на дне». В первом случае использован целевой принцип, а во втором – предметный. Следует обратить внимание, что термин «ресурсы» шире, чем термин «минеральные ресурсы». Формулировка «другая правомерная хозяйственно-экономическая деятельность, связанная с недропользованием на дне» довольно широкая по содержанию – не ограничена деятельностью, связанной с минеральными ресурсами, и может включать, например, прокладку кабелей, строительство искусственных островов и сооружений в других экономических целях, а не только для целей разведки и разработки минеральных ресурсов.

3. Отличаются подходы к проведению модифицированной линии (основания модификации). В ст. 1 Соглашения 1998 г. с Казахстаном они детализированы и прямо указывают на необходимость учета островов, геологических структур, понесенных геологических затрат и других обстоятельств. П. 1 ст. 1 Соглашения 2002 г. с Азербайджаном закрепляет отсылку в этом вопросе к общепризнанным принципам международного права и сложившейся на Каспии практики (довольно общая и широкая формулировка).

4. В Соглашении 1998 г. с Казахстаном используется термин «части дна», а в Соглашении 2002 г. с Азербайджаном – «донные сектора / зоны». Согласно Конвенции, дно и недра разграничиваются на «сектора». В дальнейшем для единообразия необходимо будет унифицировать эти термины двусторонних международных договоров и Конвенции. На данном же этапе такое разнообразие терминов в международных договорах создает терминологическую проблему при имплементации их норм в российское законодательство.

5. Существенны отличия в подходах и механизмах эксплуатации трансграничных месторождений. Ст. 2 Соглашения 1998 г. с Казахстаном закрепляет исключительные права Сторон на совместную разведку и разработку трансграничных структур и месторождений с определением долей участия на основе мировой практики и с учетом добрососедских отношений. Кроме того, закреплено приоритетное право на получение лицензии Стороны или ее юридических и физических лиц, открывших месторождение углеводородов или выявивших перспективные геологические структуры до согласования прохождения модифицированной срединной линии Сторонами, т.е. до 2002 г., но с обязательным привлечением представителей другой Стороны (ст. 3). П. 6 ст. 1 Протокола 2002 г. с Казахстаном предусмотрено заключение отдельных договоров, в случае обнаружения новых трансграничных геологических структур, для осуществления на них деятельности хозяйствующими субъектами Сторон. В ст. 2 Соглашения 2002 г. с Азербайджаном содержатся общие правила, применимые к освоению минеральных ресурсов трансграничных структур: Правительства Сторон должны назначить уполномоченные организации, оформить им права, а подписание уполномоченными организациями соглашений о сотрудничестве возможно только с согласия Правительств.

В отличие от Протокола 2002 г. и протоколов к нему с Казахстаном, в которых закреплены правила создания и деятельности совместных предприятий для совместной эксплуатации двух структур и одного месторождения, Соглашение 2002 г. с Азербайджаном не содержит механизмов совместной эксплуатации отдельных (конкретных) структур или месторождений.

6. В Соглашении 1998 г. с Казахстаном не решен вопрос о правилах прокладки трубопроводов, но предусмотрено заключение двусторонних и многосторонних договоров по вопросам использования дна Каспийского моря после заключения будущей на тот момент Конвенции. Соглашение 2002 г. с Азербайджаном вообще не содержит специальных норм о прокладке трубопроводов и других вопросах недропользования.

Выделенные различия, безусловно, были основаны на расхождениях в позициях прикаспийских государств относительно регулирования недропользования в Каспийском море, а также свидетельствовали о большей готовности Казахстана, чем Азербайджана, к совместной деятельности в сфере недропользования с Россией.

Данные двусторонние международные договоры стали правовой основой внесения отдельных изменений в российское законодательство, регулирующее недропользование на российском участке дна Каспийского моря,

а в совокупности с соответствующими двусторонними международными договорами других прикаспийских государств были учтены при разработке Конвенции.

Многосторонние международные договоры прикаспийских государств

За последнее десятилетие число принятых прикаспийскими государствами многосторонних международных договоров, регулирующих отдельные аспекты сотрудничества в Каспийском море, существенно увеличилось.

Первым многосторонним международным договором пяти прикаспийских государств стала Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. (Мурсалиев, 2017: 21–28). В Конвенции содержатся обязательства принимать самостоятельно или совместно все необходимые меры для предотвращения, снижения и контроля загрязнения, охраны, сохранения и восстановления морской среды Каспийского моря, а также использовать ресурсы Каспийского моря таким образом, чтобы не наносить ущерба его морской среде. Учитывая широко применяемые универсальные принципы международной защиты окружающей среды, Стороны для достижения целей Рамочной конвенции договорились руководствоваться тремя принципами: принципом принятия мер предосторожности, принципом «загрязняющий платит», принципом доступности информации о загрязнении морской среды Каспийского моря. Важность принятия данной Конвенции совместно всеми прикаспийскими государствами не вызывает сомнения. Однако Рамочная конвенция не содержит действенных механизмов, позволяющих практически решать актуальные проблемы загрязнения Каспийского моря.

В качестве дополнительных мер, направленных на защиту морской среды Каспийского моря, по аналогии с действующими универсальными механизмами каспийскими государствами были приняты Протокол о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью 2011 г. (Актаусский протокол, вступил в силу), Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности 2012 г. (Московский протокол, не вступил в силу), Протокол о сохранении биологического разнообразия 2014 г. (Ашхабадский протокол, не вступил в силу), Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 2018 г. (Московский протокол; не вступил в силу).

В дальнейшем в отдельных соглашениях Сторонам удалось урегулировать сотрудничество в следующих сферах: безопасность на Каспийском море (за исключением военных аспектов) (2010 г.), предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций в Каспийском море, сохранение и рациональное использование водных биологических ресурсов Каспийского моря, гидрометеорология Каспийского моря (2014 г.).

В 2018 г. наряду с Конвенцией были подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве (не вступило в силу), сотрудничестве в области транспорта (вступило в силу), предотвращении инцидентов на

Каспийском море (не вступило в силу), а также три протокола к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, в которых урегулированы вопросы борьбы с терроризмом, организованной преступностью, взаимодействия пограничных ведомств.

Среди подписанных многосторонних международных договоров прикаспийских государств отсутствует договор, комплексно регулирующий сотрудничество в разведке и разработке нефтегазовых ресурсов Каспийского моря.

Значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. для разведки и разработки нефтегазовых ресурсов

Положения Конвенции 2018 г., касающиеся разграничения морских пространств, принципиальны для осуществления деятельности по разведке и разработке нефтегазовых ресурсов. Согласно Конвенции, акватория Каспийского моря разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство (ст. 5). Разграничение внутренних вод, территориальных вод и рыболовных зон между государствами со смежными побережьями осуществляется по договоренности между ними с учетом принципов и норм международного права (ст. 7 и 9). Эта огромная работа еще предстоит и займет немало времени.

Дно и недра Каспийского моря разграничиваются на секторы «по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр» (ст. 8). Секторальное разграничение дна и недр по Конвенции, так же, как и в рассмотренных выше двусторонних международных договорах, носит целевой характер – осуществлено сугубо для освоения ресурсов дна и недр. Из ст. 8 Конвенции следует, что для осуществления разграничения необходимо согласие всех пяти прикаспийских государств, этот вопрос должен решаться в каждом случае «по договоренности сопредельных и противолежащих государств» (рядом государств, в том числе Россией, они уже были достигнуты до подписания Конвенции).

К сожалению, даже после принятия Конвенции и ее ратификации Россией отсутствие континентального шельфа и территориального моря на Каспии не признается рядом юристов – они используют эти термины применительно к пространствам Каспийского моря (Батырь, 2019: 56, 60; Толстых, 2020: 9–19).

Особое значение имеет и то, что плавание в Каспийском море, проход в и из него осуществляется судами под флагом каждой из Сторон (п. 11 ст. 3 Конвенции).

Термин «территориальное море» не следует использовать применительно к Каспию, поскольку территориальное море, как было показано выше, регулируется общими нормами международного морского права, не примени-

мыми к Каспийскому морю. Сходства между ними в части распространения суверенитета прибрежного государства, конечно, есть. Но термин «территориальные воды» использован в Конвенции специально. Принципиальное отличие в том, что в территориальном море действует принцип мирного прохода судов всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю (ст. 17 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Через территориальные воды Сторон в Каспийском море разрешен проход исключительно судов под флагами Сторон (ст. 11 Конвенции). Очевидны различия в ширине этих пространств: ширина территориального моря – не более 12 морских миль (ст. 3 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), территориальные воды Сторон в Каспийском море не могут превышать 15 морских миль (ст. 7 Конвенции). Континентальный шельф представляет собой подводную окраину материка (ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), дно Каспийского моря таковой не является с геологической точки зрения. Соответственно, принципиальны отличия в правах и обязанностях государств на континентальном шельфе и в секторе Каспийского моря.

Среди других норм Конвенции, имеющих особое значение в процессе разведки и разработки ресурсов, следует выделить право каждой Стороны осуществлять юрисдикцию в отношении судов под своим флагом в акватории Каспийского моря. Каждая Сторона в осуществление своего суверенитета, суверенных прав на недропользование и другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, может принимать меры в отношении судов других Сторон, включая досмотр, инспекцию, преследование по горячим следам, задержание, арест и судебное разбирательство для обеспечения соблюдения ее законов и правил. Применение таких мер должно быть обоснованным. В случае необоснованного применения таких мер судну возмещаются любые причиненные убытки и ущерб (ст. 12).

Каждая Сторона имеет исключительное право регулировать, разрешать и проводить морские научные исследования, в частности, в своих территориальных водах, а также в своем секторе, связанные с разведкой и разработкой ресурсов дна и недр. Такие исследования могут проводиться судами под флагами Сторон только с письменного разрешения соответствующей Стороны и на установленных ею условиях (ст. 13).

Кроме того, каждая Сторона имеет исключительное право сооружать, разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование, осуществляет юрисдикцию в отношении искусственных островов, установок и сооружений в пределах своего сектора, а также может устанавливать вокруг них зоны в целях обеспечения безопасности судоходства и безопасности самих объектов (ст. 8, п. 2 ст. 12). Примечательно, что так же, как и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция не содержит определений терминов «искусственные острова», «установки», «сооружения», не раскрывает различия между ними. Согласно Конвенции, ширина зон безопасности не должна простираться более чем 500 м, отмеряемых от каждой точки внешнего края

таких объектов. Географические координаты таких сооружений и контуры зон безопасности должны сообщаться всем Сторонам. Все суда должны уважать эти зоны безопасности.

Каждая Страна в пределах своего сектора осуществляет также юрисдикцию в отношении «своих подводных кабелей и трубопроводов» (п. 2 ст. 12 Конвенции). Специальные положения о юрисдикции в отношении иных («чужих») подводных кабелей и трубопроводов отсутствуют.

Довольно тонко и искусно был урегулирован один из самых проблемных вопросов в нефтегазовой сфере – вопрос прокладки подводных трубопроводов по дну Каспийского моря. Ряд положений ст. 14 Конвенции относится к прокладке трубопроводов в целом (п. 1, 3–4), а п. 2 – к прокладке магистральных трубопроводов. С одной стороны, закреплено общее право Стран прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря. С другой стороны, определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов в целом осуществляется по согласованию со Страной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод. Право прокладки подводных магистральных трубопроводов по дну Каспийского моря было ограничено еще одним условием: Страны могут прокладывать их при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, участниками которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы к ней.

Ряд юристов толкуют такой подход как не требующий согласия всей «пятерки» (Мамедов, 2019: 188), как довольно либеральный, исходящий из «принципа, согласно которому последнее слово остается за государством-транзитером» (Толстых, 2020: 15). Однако положение Конвенции относительно соблюдения многосторонних экологических требований и стандартов для прокладки магистральных трубопроводов по дну Каспийского моря не представляется либеральным, а является важным ограничением (Janusz-Pawletta, 2020: 178). Действительно, в Конвенции прямо не закреплена необходимость согласия всей «пятерки», но все же решение о соответствии проекта по прокладке подводного магистрального трубопровода экологическим требованиям должно приниматься в рамках пятистороннего механизма сотрудничества, что подразумевает вовлеченность всех прикаспийских государств в решение вопроса о прокладке такого трубопровода. Стоит также учитывать, что Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 2018 г. закрепил детальный механизм процедур оценки воздействия на окружающую среду планируемой деятельности, выполнение которых требует усилий, времени и финансовых затрат. Однако данный Протокол пока не вступил в силу, что в совокупности с не вступившей в силу самой Конвенцией создает определенные юридико-технические проблемы на данном этапе. В связи с этим расхождения в толковании и применении положений Конвенции, регулирующих прокладку трубопроводов, весьма вероятны.

Напомним, что обсуждаемый с 1990-х гг. проект по строительству Транскаспийского газопровода, идущего от Туркменистана в Азербайджан для транспортировки газа через территорию Турции в Европу, вызвал серьезные разногласия прикаспийских государств. Данный проект, не отвечающий интересам России, поддерживался и продолжает поддерживаться ЕС, НАТО, все больше уделяющей внимание энергетической безопасности, а также США под предлогом необходимости диверсификации поставок углеводородов. Особые интересы, безусловно, у Турции, Казахстана и Китая (Рожков, 2018: 58–76). После подписания Конвенции, несмотря на то, что за эти годы Туркменистан стал поставлять газ в Китай, а с недавнего времени и в Россию, возобновилось внимание западных политиков и экспертов к данному проекту. Распространяется мнение, что более не существует препятствий для реализации этого проекта, что представляется ошибочным с учетом вышеуказанных юридико-технических аспектов.

В Конвенции подчеркнута значение уже заключенных международных договоров между Сторонами и необходимость дополнительных договоров по многим вопросам сотрудничества на Каспии. Отсылки к национальному законодательству Сторон в Конвенции многочисленны, и предстоит большая работа по унификации и гармонизации нормативных правовых актов прикаспийских государств, регулирующих суверенитет, суверенные права, юрисдикцию в отдельных пространствах Каспийского моря и различные виды деятельности в них.

В исследованиях предложено рассмотреть доктринальную концепцию «каспийское право» как «оригинальный правовой комплекс, объединяющий региональные международно-правовые регуляторы с национально-правовым регулированием государств – участников Конвенции» и провести научные исследования для определения курса его развития (Хабриева, Курбанов, 2021: 129). В практическом плане перед учеными должна быть поставлена задача выявления проблем, с которыми сталкиваются прикаспийские государства при имплементации многосторонних и двусторонних международных договоров, применимых к Каспийскому морю, а также препятствий в рамках гармонизации и унификации национальных законодательств. Заслуживает отдельного внимания анализ практики прикаспийских государств в различных сферах деятельности, в том числе нефтегазовой, после принятия Конвенции, включая формирование региональных обычаев на Каспии.

Развитие российского законодательства применительно к разведке и разработке нефтегазовых ресурсов Каспийского моря

В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г., утвержденной Правительством Российской Федерации в 2020 г., отмечен рост добычи нефти с конденсатом, в том числе за счет месторождений, расположенных в Каспийском море. Кроме того, в рамках нефтегазохимической промышленности перспективным является развитие Каспийского кластера как одного из шести формируемых центров по глубокой переработке углево-

дородов с производственным ядром в виде крупных пиролизных мощностей и последующим производством пластмасс, каучуков и продуктов органического синтеза, их переработки в полуфабрикаты и конечные изделия.

В соответствии со Стратегией развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 г., утвержденной Правительством Российской Федерации в 2019 г., перед Россией стоят стратегические задачи по увеличению объема добычи углеводородов на российском участке дна Каспийского моря посредством введения в эксплуатацию новых нефтегазовых месторождений, а также по совершенствованию информационного обеспечения морской деятельности в Каспийском море.

В литературе отмечается, что «на протяжении нескольких лет Россия последовательно наращивала усилия по созданию инфраструктуры в субъектах, расположенных на Каспии» (Жильцов, 2021: 13). Согласно Стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации в 2017 г., развитие морских портов в Каспийском бассейне является стратегическим вопросом для России. Для реализации этой цели было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2020 г. № 1792 «О создании на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера» и предусмотрено финансирование этого проекта; разработан проект строительства современного порта с контейнерным терминалом в порту Оля; утвержден проект строительства нового порта в Калмыкии (г. Лагань).

До ратификации Конвенции Россией не предпринималось глобальных законодательных шагов, направленных на закрепление особого статуса пространств Каспийского моря, за некоторыми исключениями, которые связаны с российской частью (российским сектором) дна Каспийского моря и непосредственно нефтегазовой деятельностью на данной территории.

В 2013 г. на основании двусторонних международных договоров России с Казахстаном и Азербайджаном были внесены прогрессивные изменения в Налоговый кодекс. В ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая), определяющей основные понятия и термины, используемые при налогообложении добычи углеводородного сырья, было закреплено понятие «морское месторождение углеводородного сырья». Оно включает месторождение на участке (участках) недр, расположенном (расположенных) полностью в границах не только внутренних морских вод и (или) территориального моря Российской Федерации и (или) на континентальном шельфе Российской Федерации, но и «российской части (российском секторе) дна Каспийского моря». Аналогичным образом специфика недр Каспия была отражена в частности в ст. 147, 148, 164, 201, 381 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая), регулирующих место реализации товаров, работ (услуг), налоговые ставки, налоговые вычеты, налоговые льготы соответственно.

При этом в 2020 г. после ратификации Россией Конвенции проектом федерального закона № 1018101-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части уточнения понятийного аппарата в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря», находящемся на рассмотрении Государственной Думы, было предложено изменить формулировку «российская часть (российский сектор) дна Каспийского моря» на формулировку «российский сектор в Каспийском море». Напомним, что в Конвенции под термином «сектор» понимаются «участки дна и недр, разграниченные между Сторонами...» (т.е. не используется термин «часть» и формулировка «сектор дна», поскольку сектор и есть дно и недра). Предусмотренный механизм вступления в силу данного федерального закона связан со вступлением в силу Конвенции.

В 2019 г. в пп. 8 п. 1 статьи 35 Закона Российской Федерации от 21 мая 1993 г. № 5003-1 «О таможенном тарифе» было предусмотрено освобождение от вывозных таможенных пошлин топлива, вывозимого из Российской Федерации для обеспечения деятельности судов, используемых на континентальном шельфе Российской Федерации и (или) в исключительной экономической зоне Российской Федерации либо в российской части (российском секторе) дна Каспийского моря для геологического изучения недр, разведки и добычи углеводородного сырья, а также судов обеспечения и поисково-спасательных судов, используемых для проведения указанных работ.

Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 260-ФЗ «О регулировании отдельных отношений, связанных с искусственными островами, установками и сооружениями, расположенными в пределах российского сектора Каспийского моря, и о внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» было закреплено, что создание, эксплуатация и использование искусственных островов, установок, сооружений, проведение буровых работ, прокладка подводных кабелей, трубопроводов в пределах российского сектора Каспийского моря осуществляются в порядке, установленном Федеральным законом от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», а регистрация расположенных в пределах российского сектора Каспийского моря искусственных островов, установок, сооружений и прав на них (за исключением плавучих (подвижных) буровых установок (платформ), морских плавучих (передвижных) платформ) осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Изначально рассматривался вопрос о регулировании соответствующих вопросов в рамках Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» и Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» без расширения предмета регулирования данных законов, что было совершенно юридически некорректно в связи с отсутствием таких пространств в Каспийском море в принципе.

Изменения, внесенные в ст. 67 Конституции Российской Федерации в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., не затронули морские пространства Каспийского моря. На тот момент Конвенция уже была ратифицирована Россией. Представляется, что в последующем следует внести изменения в части первую и вторую ст. 67 Конституции Российской Федерации, подтверждающие суверенитет, суверенные права и юрисдикцию Российской Федерации в отношении соответствующих пространств Каспийского моря.

После ратификации Конвенции Россией законодатель мог пойти по двум направлениям. Первое: по аналогии с «триадой морских законов», регулирующих морские пространства, на которые распространяется суверенитет, суверенные права и юрисдикция Российской Федерации согласно общим нормам международного морского права, разработать отдельный федеральный закон о соответствующих пространствах Каспийского моря. Второе: не разрабатывать отдельный федеральный закон, дополнив «триаду морских законов» специальными положениями о пространствах Каспийского моря, изменив наименования и преамбулы «триады морских законов» и расширив предмет их регулирования. И тот, и другой вариант требуют внесения изменений в ряд федеральных законов, регулирующих или затрагивающих морскую деятельность в целом.

Правительство Российской Федерации избрало второе направление. 28 сентября 2021 г. на рассмотрение в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 1256981-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» (далее – законопроект). Законопроект предусматривает внесение изменений в ряд федеральных законов, включая Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации», Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе».

В связи с данным законопроектом, так же, как и законопроектом № 1018101-7, возник юридико-технический вопрос, связанный с правомерностью имплементации в федеральные законы положений, ратифицированных Россией, но не вступивших в силу международных договоров. Этот вопрос предлагается решить в рамках механизма вступления в силу проектируемого федерального закона. Статья 15 законопроекта предусматривает, что федеральный закон вступает в силу со дня вступления в силу Конвенции, за исключением пункта 2 статьи 5 законопроекта. Данный пункт вступает в силу со дня вступления в силу Конвенции либо по истечении 180 дней со дня вступления в силу Протокола по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды

Каспийского моря, подписанного 20 июля 2018 г., в зависимости от того, какая из указанных дат наступит позднее. Отсылка к Протоколу закреплена в проектируемом подпункте 7 Федерального закона «Об экологической экспертизе». Ни Протокол, ни Конвенция на данный момент не вступили в силу. Таким образом, в случае принятия данных законопроектов и невступлении в силу в ближайшее время указанных международных договоров, в законодательстве появятся нормы, которые могут быть недействующими долгие годы.

Законопроект на основании Конвенции вводит в законодательство Российской Федерации новые пространства: «внутренние воды и территориальные воды Российской Федерации в Каспийском море», «рыболовная зона Российской Федерации в Каспийском море», «российский сектор в Каспийском море», «общее водное пространство в Каспийском море». Представляется, что в указанных законопроектах вместо термина «российский сектор в Каспийском море» целесообразно использовать «сектор Российской Федерации в Каспийском море» по аналогии с терминологической конструкцией, примененной в законопроекте к другим пространствам Каспийского моря и в законодательстве – к общим морским пространствам («территориальное море Российской Федерации», «континентальный шельф Российской Федерации», «исключительная экономическая зона Российской Федерации»).

Один из существенных вопросов – к какому виду недр относятся недра сектора Российской Федерации в Каспийском море. До настоящего времени, к сожалению, недра российской(-го) «части дна», «донного сектора / зоны», несмотря на уже многие годы действующие международные договоры России с Казахстаном и Азербайджаном, вообще не были учтены в Законе Российской Федерации «О недрах». Внесенные в 2021 г. весьма объемные и концептуальные изменения в Закон Российской Федерации «О недрах» не затронули соответствующие участки недр в Каспийском море.

Законопроектом предлагается закрепить в ст. 21 Закона «О недрах», что недра в пределах российского сектора в Каспийском море включаются в государственный фонд недр. К участкам недр федерального значения предлагается отнести недра внутренних вод и территориальных вод Российской Федерации в Каспийском море, российского сектора в Каспийском море. Такой подход означает, что российский сектор в Каспийском море не включает недра внутренних вод и территориальных вод Российской Федерации в Каспийском море. Однако, представляется, что они соотносятся как частное, имеющее свои особенности, с общим. Следует предусмотреть, что к участкам недр федерального значения относятся недра сектора Российской Федерации в Каспийском море (в целом). Другое дело, что имеются различия в статусе частей сектора, но их можно уточнить в иных статьях законопроекта.

В Конвенции закреплена концепция раздельного разграничения водных пространств на четыре вида, а дна и недр – на секторы «в целях реализации суверенных прав прикаспийских государств на недропользование...», из чего следует, что разграничивается все дно и недра (ст. 8 Конвенции). Положения ст. 8 не согласуются с положениями ст. 6 Конвенции, согласно которой суве-

ренитет каждой Стороны распространяется на морской пояс, «называемый территориальными водами, равно как на его дно и недра», т.е. на эту часть сектора распространяется суверенитет прикаспийских государств. Специальных положений о суверенитете применительно ко дну и недрам внутренних вод в Каспийском море не содержится, но это вытекает из толкования.

Законопроектом вносится дополнение в ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации», согласно которому Государственная граница в Каспийском море устанавливается по внешней границе территориальных вод Российской Федерации. В ряде положений законопроекта выделяется «российский сектор в Каспийском море за внешней границей территориальных вод в Каспийском море». Соответственно сектор Российской Федерации в Каспийском море состоит из двух частей: одна часть российского сектора относится к территории Российской Федерации (т.е. на нее распространяется суверенитет), а другая не является территорией Российской Федерации (находится за пределами Государственной границы) – является территорией, на которую распространяются суверенные права и юрисдикция Российской Федерации в определенных целях.

Статус российского сектора в Каспийском море в целом законопроектом предлагается определить в рамках Федерального закона «О континентальном шельфе Российской Федерации», расширив его наименование и предмет регулирования. При этом в преамбуле указываются «суверенные права и юрисдикция Российской Федерации на ее континентальном шельфе» (т.е. уточняется правовая природа прав Российской Федерации на ее континентальном шельфе), но не уточняется правовая природа прав Российской Федерации в российском секторе в Каспийском море.

Изменений в Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» не предусмотрено.

Предусматривается также расширение наименования и предмета регулирования Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации». В него включаются нормы, определяющие статус и правовой режим внутренних вод и территориальных вод Российской Федерации в Каспийском море. При этом статью 161, закрепляющую особенности эксплуатации, использования искусственных островов, установок, сооружений, подводных трубопроводов, проведения буровых работ при региональном геологическом изучении, геологическом изучении, разведке и добыче углеводородного сырья, а также при транспортировке и хранении нефти и нефтепродуктов, особенности осуществления деятельности по перевалке нефти и нефтепродуктов, бункеровке (заправке) судов во внутренних морских водах и в территориальном море, предлагается распространить на внутренние воды и территориальные воды в Каспийском море, а также российский сектор в Каспийском море за внешней границей территориальных вод в Каспийском море. Это не в полной мере совпадает

с предлагаемыми изменениями наименования и преамбулы, ограниченными внутренними водами и территориальными водами Российской Федерации в Каспийском море.

Особое значение для нефтегазовой деятельности в российском секторе Каспийского моря имеет прогрессивное развитие норм Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ). В 2017 г. ст. 4 КТМ, регулирующая использование судов, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, в целях торгового мореплавания, подверглась кардинальным изменениям. Существенно было расширено понятие «каботаж» (теперь он включает перевозки на искусственные острова, установки и сооружения, расположенные в исключительной экономической зоне Российской Федерации и (или) на континентальном шельфе Российской Федерации) и между ними). Эти изменения стали не последними. Действующая редакция ст. 4 КТМ содержит специальные нормы относительно Северного морского пути, но не отражает особый статус пространств Каспийского моря. Эти и другие пробелы, в частности касающиеся безопасности морского судоходства, лодчанской проводки, затонувшего имущества, страхования судов, перевозящих наливом нефть, ответственности за ущерб в связи с морской перевозкой опасных и вредных веществ) в соответствующих пространствах в Каспийском море, предлагается восполнить в рамках законопроекта (ст. 691, 85, 107, 114, 323, 324, 325 КТМ и др.).

В связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции предприняты также шаги по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу проекты федеральных законов № 6605-8 и № 6614-8. Эти меры необходимы для реализации суверенитета, суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации в соответствующих пространствах Каспийского моря. До этого момента особый статус пространств Каспийского моря вообще не был отражен в Уголовном кодексе (ст. 11 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации», ст. 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов») и в Кодексе об административных правонарушениях (в частности в ст. 2.6, закрепляющей территориальные аспекты административной ответственности иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц», ст. 8.17, 8.19, 8.20, 11.7.1, устанавливающих ответственность за неправомерную деятельность в морских пространствах – за нарушение требований или условий лицензии, правил захоронения отходов и других материалов, незаконную передачу минеральных и (или) живых ресурсов, несоблюдение мер по обеспечению безопасности судоходства в зонах безопасности, установленных вокруг искусственных островов, установок и сооружений).

Заключение

Правила разведки и разработки нефтегазовых ресурсов в Каспийском море регулируются положениями двусторонних и многосторонних международных договоров прикаспийских государств. Положения действующих международных договоров России с Казахстаном и Азербайджаном содержат существенные отличия, в том числе относительно механизмов эксплуатации трансграничных нефтегазовых месторождений.

Специальный многосторонний договор по общим или отдельным аспектам нефтегазовой деятельности в Каспийском море отсутствует. Конвенция содержит много новелл, имеющих существенное значение для разведки и разработки нефтегазовых ресурсов Каспийского моря. Прежде всего, речь идет о классификации и правовом статусе пространств Каспийского моря, установленных Конвенцией. Предстоит большая работа по определению внешних и смежных границ пространств, на которые разделена акватория Каспийского моря. В Конвенции урегулированы общие вопросы недропользования в секторах, вопросы, связанные с плаванием судов, проведением научных исследований, прокладкой трубопроводов, созданием, эксплуатацией и использованием искусственных островов, установок и сооружений.

Ряд шагов, направленных на регулирование разведки и добычи нефтегазовых ресурсов в Каспийском море в рамках российского законодательства, был предпринят еще до подписания Конвенции, на основании двусторонних международных договоров России с Казахстаном и Азербайджаном, но эти шаги не были и не могли быть комплексными при отсутствии комплексных международно-правых основ.

После ратификации Конвенции Россией предприняты глобальные шаги, направленные на имплементацию ее положений в российское законодательство. Подготовленные Правительством Российской Федерации законопроекты предусматривают изменения, связанные с особым статусом пространств Каспийского моря и объектов в Каспийском море, на которые распространяется суверенитет, суверенные права и юрисдикция Российской Федерации. Эти изменения носят общий характер, затрагивают различные виды деятельности, в том числе, разведку и разработку нефтегазовых ресурсов в Каспийском море. В целом эти нововведения позитивны, хотя отдельные аспекты законопроектов нуждаются в доработке. Тот факт, что Конвенция не вступила в силу, является существенным юридико-техническим препятствием.

Список литературы

1. Janusz-Pawletta B. (2020) Legal Framework for the Interstate Cooperation on Development and Transport of Fossil Natural Resources of the Caspian Sea. *The Journal of World Energy Law & Business* 13(2): 169–184.
2. Kadir R.A. (2019) Introductory Note to the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *International Legal Materials* 58(2): 399–413.
3. Барсегов Ю.Г. (1998) *Каспий в международном праве и мировой политике*. М.: ИМЭМО РАН.

4. Батырь В.А. (2019) Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря. *Lex Russica* 9: 51–62.
5. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. (2018) Современный международно-правовой режим Каспийского моря. *Евразийский юридический журнал* 9: 28–35.
6. Жильцов С.С. (2021) Основные направления политики России в Каспийском регионе. *Казахстан-Спектр* 2: 7–22.
7. Мамедов Р.Ф. (2019) Международно-правовое содержание и значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. *Проблемы постсоветского пространства* 6: 175–194.
8. Мамедов Р.Ф. (2006) *Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра*. Баку.
9. Мамедов Р.Ф. (2006) *Разграничение Каспийского моря (международно-правовые вопросы)*. Баку.
10. Мурсалиев А.О. (2017) Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря: информация об окружающей среде и доступ к ней. *Международное право и международные организации* 4: 21–28.
11. Рожков И.С. (2018) Транзитно-транспортная синергия в Каспийском регионе в контексте формирования международно-правового статуса Каспийского моря: исторический шанс или вызов современности? *Мировая политика* 1: 58–76.
12. Салимгерей А.А. (2003) *Правовой статус Каспийского моря (проблемы теории и практики)*. Алматы.
13. Толстых В.Л. (2020) Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств. *Российский юридический журнал* 1: 9–19.
14. Хабриева Т.Я., Курбанов Р.А. (2021) Правовые основы и интеграционные тенденции в Каспийском регионе. «Каспийская пятерка»: история и перспективы. *Журнал российского права* 8: 118–130.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-58-79

EXPLOITATION AND USE OF OIL AND GAS RESOURCES IN THE CASPIAN SEA: LEGAL ASPECTS

Dr Nikita Yu. MOLCHAKOV – Dean, Faculty of International Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr Olga V. GLIKMAN – Associate Professor, Department of International Law, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-9243-9787. E-mail: glikman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (no. 075-15-2020-783).

Abstract: Features of the legal regime of subsoil use, oil and gas activities in the Caspian Sea are due to the special international legal status of the Caspian Sea. The Russian Federation is faced with strategic tasks for the development of energy resources on the Russian section of the Caspian seabed, the development of maritime transport and research fleet, the modernization and construction of seaports and terminals in the Caspian. They are defined in the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035, the Strategy for the development of maritime activities in the Russian Federation until 2030, the Strategy for the development of Russian seaports in the Caspian basin, rail and road approaches to them in the period up to 2030. The fulfillment of these tasks largely depends on the effectiveness of Russian legislation in this area. The development of Russian legislation governing the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Russian section of the Caspian seabed is directly related to the trends in the development of international legal regulation of the status of the Caspian Sea and cooperation of the Caspian states in this area. After the ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018 by Russia, the Government of the Russian Federation took global steps to implement norms reflecting the special status of the Caspian Sea, sovereignty and sovereign rights of Russia in certain areas of the Caspian Sea, in Russian legislation.

The purpose of the study is to analyze the legal norms governing the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Caspian Sea. The objectives of the study include identifying and comparing development trends of branch international legal norms and norms of Russian legislation, generalizing theoretical and practical problems of legal regulation.

The research methodology is based on the following theoretical methods of cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, as well as special methods of cognition of legal phenomena and processes: comparative legal and formal legal.

The article compares the provisions of bilateral and multilateral international treaties of the Russian Federation, which are applicable to the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Caspian Sea, discloses their mechanisms and significance, and identifies differences in their provisions. In addition, the authors identified differences in the trends in the development of Russian legislation regulating oil and gas activities on the Russian section of the Caspian seabed before and after Russia's ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018, analyzed the latest legislative initiatives in this area, and also identified a number of problems of this process.

Keywords: Caspian Sea, seabed of the Caspian Sea, sector of the Caspian Sea, Russian legislation, international law, international treaties of the Caspian states, Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018, use of subsoil, hydrocarbons

References:

1. Janusz-Pawletta B. (2020) Legal Framework for the Interstate Cooperation on Development and Transport of Fossil Natural Resources of the Caspian Sea. *The Journal of World Energy Law & Business* 13(2): 169–184.
2. Kadir R.A. (2019) Introductory Note to the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *International Legal Materials* 58(2): 399–413.
3. Barsegov Ju.G. (1998) *Kaspij v mezhdunarodnom prave i mirovoj politike* [The Caspian Sea in the International Law and World Politics]. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian).
4. Batyr' V.A. Sbalansirovannyj sovremennyj osobyj mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morja [The Balanced Current Special Status of the Caspian Sea under International Law]. *Lex Russica* 9: 51–62. (In Russian).
5. Bekjashev K.A.; Bekjashev D.K. (2018) Sovremennyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim Kaspijskogo morja [The International Legal Regime of the Caspian Sea]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal] 9: 28–35. (In Russian).

6. Khabrieva T.Ja.; Kurbanov R.A. (2021) Pravovye osnovy i integracionnye tendencii v Kaspijskom regione. "Kaspijskaja pjaterka": istorija i perspektivy [Legal Framework and Integration Trends in the Caspian Region. "Caspian Five": History and Prospects]. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian Law] 8:118–130. (In Russian).
7. Mammadov R.F. (2019) Mezhdunarodno-pravovoe sodержanie i znachenie Konvencii o pravovom statuse Kaspijskogo morja ot 12 avgusta 2018 goda [International Legal Content and Significance of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of August 12, 2018]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Post-soviet issues] 6: 175–194. (In Russian).
8. Mammadov R.F. (2006) *Mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morja: vchera, segodnja, zavtra* [International Legal Status of the Caspian Sea: Yesterday, Today, Tomorrow]. Baku. (In Russian).
9. Mammadov R.F. (2006) *Razgranichenie Kaspijskogo morja (mezhdunarodno-pravovye voprosy)* [Delimitation of the Caspian Sea (International Legal Issues)]. Baku. (In Russian).
10. Mursaliev A.O. (2017) Ramochnaja konvencija po zashhite morskoi sredy Kaspijskogo morja: informacija ob okružhajushhej srede i dostup k nej [The Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian Sea: the access to the information about the environment]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* [International Law and International Organizations] 4: 21–28. (In Russian).
11. Rozhkov I.S. (2018) Tranzitno-transportnaja sinergija v Kaspijskom regione v kontekste formirovanija mezhdunarodno-pravovogo statusa Kaspijskogo morja: istoricheskij shans ili vyzov sovremennosti? [Transit and Transport Synergy in the Caspian Region in the Context of the Formation of the International Legal Status of the Caspian Sea: a historical chance or a challenge of the present?]. *Mirovaja politika* [World Politics] 1: 58–76. (In Russian).
12. Salimgerej A.A. (2003) *Pravovoj status Kaspijskogo morja (problemy teorii i praktiki)* [The Legal Status of the Caspian Sea (Problems of Theory and Practice)]. Almaty. (In Russian).
13. Tolstykh V.L. (2020) Pravovoj režim Kaspijskogo morja po Konvencii 2018 g. i interesy prikaspijskikh gosudarstv [The Legal Regime of the Caspian Sea According to the 2018 Convention and the Interests of the Caspian States]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal* [Russian Juridical Journal] 1: 9–19. (In Russian).
14. Zhil'cov S.S. (2021) Osnovnye napravlenija politiki Rossii v Kaspijskom regione [The Main Directions of the Russian Policy in the Caspian Region]. *Kazahstan-Spektr* 2: 7–22. (In Russian).